

Власть и демократия в XXI веке

В поисках демократии: система координат

Как историк по профессии и демократ по взглядам, я занят поисками реальной демократии в истории и в современной жизни. И должен сказать, что нахожу ее там нечасто и в небольших количествах.

В XX веке демократия стала общепризнанной ценностью, сакральным критерием, с помощью которого «мировое сообщество» судит миллиарды людей. Есть в стране демократия – поощрим, нет ее – можно и разбомбить эту «неправильную» страну. «Демократические» мировые элиты решают судьбы людей, живущих за тысячи километров от того кабинета, в котором ставится подпись под приговором. Это ли не повод задуматься о смысле слова «демократия»?

Термин «демократия» означает «власть народа» (демоса), то есть большинства граждан. Но по идее народ осуществляет свою власть через избранных представителей. Если представители действительно реализуют мнение общества, можно говорить о демократии. Если у «представителей» возникают собственные интересы, отличные от интересов их избирателей, это уже власть элиты, та или иная форма элитократии. Демократия и реальная система принятия решений в современных государствах – это совсем не одно и то же.

Собственно демократическая система в современном мире возможна либо в виде самоуправления – локальной непосредственной демократии, когда субъект и объект управления совпадают, либо в виде непосредственного определения решений управляющих волей управляемых (императивный мандат). Демократия в действии может проявляться и во время выборов, но только при условии, что на суд избирателей представлена вся полнота идеологического спектра в условиях широкой свободы агитации. Это тоже случается не часто. В остальное время элита сохраняет высокую степень свободы от избирателей.

Может, так и должно быть? Элитарное сознание относится к народу свысока. С точки зрения элиты, народ заведомо некомпетентен. Впрочем, компетентность властной элиты тоже оставляет желать лучшего. А вот провести властные решения в жизнь (независимо от их «разумности») можно лишь тогда, когда они не сталкиваются с активным саботажем низов, когда между властью и населением существует обратная связь понимания и поддержки. Демократические механизмы как раз и призваны обеспечить эту обратную связь.

Демократия предполагает, что выработка решений идет снизу вверх и начинается с людей, которые не являются профессиональными носителями власти – управленцами и политиками. Противоположный принцип авторитаризма предполагает самостоятельность правящей элиты от населения, ее автономность в принятии решений. Такое нарушение обратной связи в обществе может привести к его распаду. Поэтому авторитарные отношения не могут существовать без различных (репрессивных, идеологических и других) способов навязывания воли правящей элиты населению.

Элитократия разнообразна, и нам, конечно, не все равно, кто и как нами правит, раз уж мы сами (как часть народа) лишены власти. Чтобы дальнейшее было понятно, я должен привести определения трех различных форм элитократии.

Плюралистический режим – политическая система, при которой легально сосуществуют различные политические элиты с противостоящими интересами.

Авторитаризм – режим, при котором правящая группа обладает монополией на власть.

Тоталитаризм – крайняя степень авторитаризма, полный контроль со стороны правящей элиты над обществом.

Первый из этих режимов очевидно более благоприятен для развития элементов демократии, чем третий. Но и плюрализм без давления снизу не обеспечивает развитие процесса демократизации. Плюралистическая элита предпочитает демократии манипуляцию – подмену реальности муляжами, гибкий, скрытый контроль над сознанием населения.

Либерализм, многопартийность и демократия

Каждый из элитократических режимов имеет свое отношение к партиям. Тоталитаризм использует партийные структуры как машину мобилизации масс и контроля над их настроениями. Попытка создать оппозиционную партию в этих условиях приравнивается к государственному преступлению. Авторитарные режимы нередко (но и не всегда) используют форму партии для консолидации элиты и выстраивания пропагандистских фасадов, призванных удовлетворить зарубежных партнеров и наивных подданных. Для авторитарных режимов партии – инструмент, не имеющий отношения к демократии. Мы знаем это. Секрет современной «демократии» заключается в том, что и многопартийность – это тоже не демократия. Проблема многопартийности – ее фасадность. Есть партийная витрина, а есть реальный процесс принятия решений.

В соответствии с либеральной идеологией демократическое политическое устройство должно обеспечить власть большинства при гарантиях прав меньшинств вплоть до отдельной личности; компетентность управления, осуществляющегося в интересах всего народа; мирное разрешение – в соответствии с заранее определенными правилами – противоречий между разными социальными группами, представленными в политической сфере партиями (многопартийная система), и экономическими интересами, представленными частными собственниками (капиталистическая рыночная экономика).

На практике каждый из принципов либерализма действует не полностью или с оговорками. Реализация этих принципов также может сильно расходиться с идеалом. Демократически избранный парламент времен Великой французской революции санкционировал массовый террор. Многопартийная политическая борьба в Европе и Америке в XIX веке то и дело сопровождалась баррикадными боями, казнями и зверствами, в которых «демократы» не уступали в жестокости сторонникам монархии и диктатуры. Я уже не говорю о коррупции, казнях невинных по приговору суда присяжных и потоках черного пиара в отношении неугодных политиков. Все это можно объяснить неготовностью малокультурных масс к демократии. Необходимо длительное существование в условиях многопартийности, прежде чем массы научатся ею пользоваться. Но все дело в том, что демократия этим массам и не предназначалась.

Либеральная демократия предназначалась для политической элиты. Только по мере совершенствования избирательных технологий, позволяющих контролировать сознание избирателя, в странах Запада в конце XIX – первой половине XX века было введено всеобщее избирательное право, и широкие массы получили возможность участвовать в выборах руководителей страны.

Особенно опасным, с точки зрения либерализма, считается распространение демократии на производство, так как большинство трудящихся недостаточно компетентно для того, чтобы вмешиваться в вопросы управления предприятием. Вместе с тем либеральная доктрина предполагает, что на уровне всего государства люди имеют право выбирать руководство страны. Этот парадокс заставляет предположить, что широким массам предоставляется право на выборы лишь там, где они заведомо некомпетентны и потому могут быть легко манипулируемы группировками элиты. Там же, где демократия может быть реальной, она не допускается.

Существующий механизм прямых выборов не обеспечивает реальной демократии. Кандидат подбирается партийными или государственными группировками и независим от избирателей в выполнении своей предвыборной программы. Избиратель распылен, неорганизован и не имеет возможности поддержать людей, которые ему действительно известны, – последние не обладают достаточными для выдвижения организационными и финансовыми ресурсами, даже если их идеи могут быть поддержаны. Таким образом возникает явление «демократия для элиты».

В соревновании либеральных и коммунистических режимов в XX веке многопартийная манипулятивность одержала победу над однопартийной авторитарностью. Ее политика оказалась наиболее гибкой. Пусть спектр выносимых на суд избирателей вопросов и тем более ответов весьма ограничен, пусть СМИ навязывают населению иррациональные мифы. Но все же рациональная критика этих мифов хотя бы не запрещена, и избиратель во время выборов имеет возможность хотя бы намекнуть элитам, какой курс он считает меньшим из зол. Пусть

кандидатов в депутаты выбираем не мы с вами, а партийные чиновники и их спонсоры. Но при широком наборе альтернатив мы можем хоть отчасти воздействовать на формирование власти: чиновники, опасаясь конкуренции, обращают внимание на наиболее острые проблемы «низов». Если в нарушение закона у вас под окнами строят дом, вы можете апеллировать к влиятельным конкурентам местных властей. Если такие конкуренты не боятся связываться с партией власти.

При этом технологии манипулирования массовым сознанием совершенствовались на протяжении всего XX века, особенно во второй его половине, когда решающую роль в избирательной кампании стали играть электронные средства массовой информации и связанные с ними информационные войны. Теперь фактор личного общения избирателей с кандидатом сведен к минимуму (когда избиратель нужен лишь в качестве массовой), а телевизионный образ связан с реальностью правилами, известными только специалистам. Судьбу выборов определяют денежные средства и власть, которые поставили под свой контроль более мощные и эффективные информационные средства. Сам кандидат может быть просто марионеткой выдвинувшей его олигархии и плохо разбираться в темах, о которых говорит. Его готовят, как актера, который получает текст перед выступлением. Возможно и выдвижение на выборы действительно выдающейся личности. Но это – не решение простых людей или народа, а воля специальных групп интересов.

Очевидно, что в таких условиях политические решения также принимаются практически без учета интересов избирателей, а «мнение общества» формируется средствами массовой информации в ключе, желательном для их хозяев. Это позволяет создавать опору политическому курсу среди населения. Характерно, что к таким же методам прибегают и тоталитарные режимы.

И КПСС, и Республиканская партия США, и Социал–демократическая партия Швеции, и «Единая Россия» управляются не обществом, и даже не массой своих членов, а партийной бюрократией и высшим партийным руководством. Сама по себе многопартийность не добавляет стране демократии. Даже партия с демократическим наименованием может быть организована авторитарно. Трудность в создании демократически организованных партий заключается в вечной нехватке ресурсов. Действительно, кто из представителей финансовой и бюрократической элиты будет вкладывать средства в партию, которую он не сможет контролировать?

Смысл партийных механизмов и в тоталитарных, и в плюралистических режимах – обеспечение контроля над социальной почвой. Формы контроля различны, а суть одна – элита внедряет в общество свои идеи и ценности и в то же время подстраивает их под вкусы самих масс. Соответственно, система тем эффективнее, чем теснее социально–психологическая связь общества и партийной идеологии (идеологий).

Другая функция партий – предварительная «обкатка» кадров. Если государственный чиновник стремится отгородиться от надоедливой населения, то партийный кадр идет к нему со своей агитацией. И здесь уже население отпихивается от надоедливых партийцев. Низовой партийный актив может быть безответственным (сильно не напортачит даже по неопытности), но учится общению с населением. Вышестоящие работники присматриваются к активу и вытаскивают наверх наиболее оборотистых и в то же время лояльных «комсомольцев» (в смысле – молодых партийцев). Впрочем, партийные каналы – далеко не единственная кузница кадров (свою роль играют хозяйственная и военная карьера, феодально–родственные связи). В принципе можно обойтись и без этого «партийно–комсомольского» канала. Партиец хорош как коммуникатор, прослойка между властью и населением. Но он мало в чем разбирается конкретно, и важное дело ему поручать опасно.

По мере роста значения электронных СМИ в управлении массовым сознанием партии становятся лишним звеном в системе современной плюралистической элитократии. И только сакральность ритуалов «демократии» позволяет им сохранять свою «жреческую» социальную нишу.

Россия: вперед в прошлое

Увы, демократия как отсутствие противоречия интересов избирающих и избираемых – это недолгие и локальные исключения из правила. Поиск реальной демократии сродни работе старателя. Одно утешает: в природе вообще мало что существует в чистом виде. Так и

демократия – растворена в других общественных системах. Довольно много элементов демократии можно найти в Западной Европе, поменьше – в США, еще меньше – в России. Но если подходить к вопросу строго, то элементы демократии можно обнаружить и в СССР. Ведь и там люди, не входившие в номенклатуру, находили каналы воздействия на ее решения. Иногда это получалось даже эффективнее, чем сейчас. Чтобы понять это, мне достаточно выглянуть из окна, где вопреки существующим санитарным нормам строится дом. Все жители против, но администрация – за. В СССР было куда жаловаться (иногда успешно, иногда – нет). Сейчас возможности воздействия простых людей на принятие властных решений, которые этих людей касаются, мягко говоря, сократились.

Сказанное не означает, что следует вернуться к коммунистическому режиму. Этот режим – вовсе не демократия, равно как и современная западная элитократия – тоже не демократия. Когда в 1980–е годы мы боролись против коммунистического режима во имя демократии (советской), то намеревались двигаться в прямо противоположном направлении от того, что происходит сейчас.

В 1980–х годах страна продвинулась вплотную к решению постиндустриальных, а значит, и посткапиталистических задач. Именно их предстояло решать перестройке. К сожалению, тогда только начинали осознаваться смысл и направление перехода от индустриального к «информационному», моделирующему обществу. К 1990 году страна сумела справиться с задачей освобождения от коммунистической монополии на власть, произошло возрождение советской самоорганизации и народовластия. Но «советский народ» не сумел продвинуться дальше – в силу недостатка опыта и наличия элитных интриг, популистских и западнических иллюзий. Такова судьба многих революций – за напряжением, подъемом творческих сил народа накатывают усталость и реакция. Выражением этой консервативной тенденции и стал режим Путина, призванный «заморозить» социально–политическую структуру, возникшую при Ельцине и получившую наименование «олигархический капитализм».

Но полностью «заморозить» социум невозможно. Ударившись о постиндустриальный барьер, общество стало откатываться назад, от развитого индустриального к частичной феодализации. На арену вышли типажи, более характерные для зари индустриального общества, – флибустьеры рыночного моря. Но история не стоит на месте, продолжая свое движение «вспять», – «флибустьеров» уверенно вытесняют организованные по феодальному принципу постноменклатурные кланы. Сторонники вестернизации обещали в 1991 году демократию, свободу и законность. Как и следовало ожидать, мы получили олигархию, комплектуемую по принципу номенклатурных и родственных связей, произвол сильных мира сего, распил индустриального комплекса на вотчины, не первоначальное накопление, а первоначальное разграбление. Можно сколько угодно возмущаться этой реальностью или прятать ее за победными телевизионными реляциями о золотовалютном запасе, рост которого, увы, никак не помогает гражданам РФ в их нелегкой жизни. Но факт остается фактом: мы живем в эпоху отката от достижений индустриального общества.

Этот откат пока не является необратимым, происходит внутрiformационный регресс, обусловленный перемещением России в международном разделении труда из группы среднеразвитых стран в зону третьего мира. Пока культурный потенциал сопротивляется такому сдвигу. Но это – «последний рубеж обороны».

Сформировавшаяся в РФ политическая система является надстройкой над пластами индустриального советского наследия, крепнущей доиндустриальной традиции и анклавов глобализации.

С одной стороны, укрепление феодально–бюрократических структур блокирует развитие постиндустриальных социальных форм, вызывает недовольство как значительной части интеллигенции и новых средних слоев, так и глобальной элиты, требующей «прозрачности» управления в России. С другой стороны, продолжение социально–экономической интеграции в глобальное пространство приводит к дальнейшему разрушению институтов социального государства и привычного образа жизни (монетаризация и тому подобное). В результате складываются ядра активного недовольства (пенсионеры, инвалиды, молодежь, научные работники, группы по месту жительства и другие), которые связываются между собой гражданскими организациями. Эта ситуация, проявившаяся уже в 2005 году, свидетельствует о неэффективности обратной связи между властью и населением.

При авторитарной системе режим хоть и принимает решения по своему усмотрению, но относится к населению патерналистски. Как это ни странно, наиболее свободен от населения режим, занимающий переходное положение между плюрализмом и авторитарностью. Такой «суверенный плюрализм» суверенен прежде всего от обязательств перед населением. Стороны свободны от обязательств – население «крутится» в поисках заработка, а властная и имущественная элита оседлала ресурсные потоки и в большей части населения вовсе не нуждается.

Добившись свободы в отношениях с населением, правящая группа в то же время вынуждена маневрировать между более сильными глобальными политическими силами (прежде всего, неоконсерваторами и социал–либералами). В самой правящей группе также есть разные центры силы, ориентирующиеся на разные коммерческие и внешнеполитические интересы. Президент вынужден искать равнодействующую между всеми этими интересами, что практически исключает осуществление стратегии, продиктованной интересами населения России. Политика носит инерционный, рефлекторный характер и зависит от импульсов, приходящих извне. Поэтому единственный курс, который проводится сколько–нибудь последовательно, – дальнейшая интеграция в глобальный рынок в качестве его периферийной составляющей.

Провозглашенные правящей группой «идеи» призваны придать этой печальной реальности романтический блеск. «Великая энергетическая держава» означает не что иное, как «большой сырьевой придаток», а «суверенная демократия» – суверенитет правящей группы, не связанной международными стандартами соблюдения демократических норм.

Внутренняя организация «политического класса» становится все более авторитарной, чему способствует концентрация ресурсов в руках чиновничества (через посредство подконтрольного бизнеса). Система может прибегнуть и к репрессиям в случае, если одна из группировок пытается нарушить хрупкое равновесие в свою пользу, покусившись на сложившееся в олигархическом бизнесе распределение сфер влияния. Разумеется, олигархический капитализм ничуть не меняет своего характера оттого, что в деле «ЮКОСа» пострадали некоторые олигархи, – от этого лишь укрепилось процветание других олигархов – при погонах или без, но чаще при чинах. Также и в 1940–х годах «ленинградское дело» ничуть не изменило характер режима, хотя «под нож» пошла часть сталинского окружения.

Но коммунистический режим существовал в эпоху перехода к индустриальному обществу, когда надежды вчерашних крестьян на светлое будущее позволяли плотно контролировать настроения не только элиты, но и населения. Сегодня уровень культуры изменился, энтузиазма нет и следа, как нет у режима и мобилизирующих идей. Население имеет за плечами опыт XX века и привычку к умеренным советским благам и социальным гарантиям. К тем благам и гарантиям, которые сегодня доступны далеко не всем. Так что режиму непросто найти общий язык с обществом – его необходимо убедить в том, что жизнь становится все лучше, в то время как конкретная жизнь конкретных социальных групп (причем охватывающих значительную часть, а может быть, и большинство населения) ухудшается. СМИ, прополотые чистками, направленными против оппозиционных либералов, и замусоренные некомпетентными «блатными» кадрами, с трудом справляются с этой пропагандистской задачей. Время работает против сложившейся социально–политической системы.

Накапливающееся недовольство общества необходимо периодически направлять на «громоотводы» вроде Чубайса, который «во всем виноват». Сейчас эту нишу занимают Зурабов и Греф. Но в случае серьезного кризиса этого «потенциала», очевидно, не хватит.

Нынешняя социальная система, концентрирующая власть и собственность в руках немногих, системно неустойчива. Ее устойчивость повышается за счет расширения клиентелы, обслуживающей олигархические кланы и потому заинтересованной в сохранении системы. Но властно–имущественная элита по–прежнему ориентирована на передел собственности (это она умеет гораздо лучше, чем налаживать высокотехнологичное производство), что ведет к острым внутренним конфликтам, грозящим «перевернуть лодку».

Социальная напряженность растет слишком быстро, правящая элита, напротив, охвачена эйфорией, являющейся косвенным результатом собственного пиара.

У российской правящей элиты нет стратегии, альтернативной глобальному либерализму.

Так что приходится «сдаваться на милость» и изо всех сил «интегрироваться». Этому явно препятствуют традиционные для нашей страны нерыночные социальные структуры и советская традиция. Правящая группа адаптирует курс на глобализацию к советской и имперской традициям, сохраняя и приумножая государственно–бюрократическое наследие СССР (в смысле «державности», широты полномочий чиновников, номенклатурных привилегий и льгот, которые как раз не стали монетизировать), в то же время продолжая разрушение низовой постсоветской социальной ткани (монетаризация, реформа ЖКХ и тому подобное). Это ведет к росту социальной напряженности, которую не способна смягчить и тем более снять политическая структура РФ.

Формальные «демократические процедуры» сохраняются в РФ прежде всего в виде фасада, рассчитанного на зарубежных доброжелателей и наиболее наивную часть граждан. Однако режим Путина пока не является авторитарным. Это немодно. Режим опасается долгосрочной социальной конфронтации, особенно если она выходит за рамки одного–двух регионов и не имеет выраженных политических требований (как выступления против монетизации льгот). Власть сохраняет чувствительность к крупным и долгосрочным протестным акциям (что показывает, например, корректировка маршрута нефтепровода в Китай вокруг Байкала), особенно если они сопровождаются эффективным лоббированием через официальные институты. Но успехи такого рода – скорее, исключение.

Во взаимоотношениях с обществом система управления РФ использует прежде всего такие рычаги, как манипуляция массовым сознанием с помощью телевидения, «адресные» финансовые потоки и выборочная репрессивность.

Точечное финансирование «национальных проектов» настолько тесно связано с пиаром, что сама по себе задача реанимации социального государства отходит на второй план, а то и вовсе рассасывается вместе с финансовым потоком, заметно теряющим в объемах по пути через бюрократические коридоры к конкретным учителям и врачам. Но и здесь время работает против системы. Население живо интересуется успехами «облагодетельствованных» групп. И стоит человеку пообщаться с разочарованным в «национальном проекте» медиком, научным работником или учителем, как воздвигнутые с таким трудом мифы о социальной политике рушатся. Поскольку системных мер не принимается (социальное государство не созвучно эпохе), накануне избирательного ритуала 2007–2008 годов можно ожидать увеличения потока обесценивающихся рублей – что–то вроде архаичного праздничного пира, позволяющего князю получать «престижный капитал». Архаика проступает через лишние демократического смысла предвыборные технологии.

Однако растущий в обществе критический потенциал пока не может реализоваться в конструктивный политический проект, выливаясь в локальные протестные акции. Реальное политическое влияние сконцентрировано в треугольнике администрация – финансы – телевидение. Мнимая многопартийность является подсистемой этой реальной власти, и потому попытки создать новый партийный проект с альтернативными идеями обречены на неудачу, пока они не становятся частью более разветвленной альтернативы со своей массовой субкультурой, экономической почвой и идеологией, выходящей за рамки спектра СПС–КПРФ, контролируемого системой. Пока такой альтернативы нет, политическая надстройка может укрепляться, даже если социальный кризис углубляется. Правда, в финале сложившуюся систему может ждать «Большой взрыв». Необходимы каналы выхода накопившегося социального давления, но представительные органы власти для этого становятся малопригодны.

Влияние представительных органов власти в современной России на практике ограничено совещательными функциями при администрации. Но в плюралистической системе, даже предельно приближенной к авторитарной, совещательные функции тоже важны как канал лоббирования. Противоречивые векторы давления на депутатов и предложения, от которых они «не могут отказаться», ведут к небывалому запутыванию законодательства, что гарантирует чиновникам почти безграничные возможности для произвола на своей деланке власти. Население в ответ также получает широкие возможности для саботажа властных инициатив, но оказывается практически беззащитным перед лицом произвола бизнес–групп с чиновничьей крышей. Это выводит разрешение социальных противоречий из правового поля в сферу силового конфликтного противостояния, закладывая под всю систему новые мины, грозящие

будущими социальными взрывами.

Тесная взаимосвязь различных ветвей и ответвлений власти между собой исключает «разделение властей», но в то же время позволяет обществу использовать противоречия интересов, возникающие между разными группами чиновников на ведомственной и коммерческой основе, а также из-за разных внешнеполитических ориентаций. На этой же основе возникают и развиваются существующие парламентские или претендующие на парламентское представительство партии. Реальные идейные разногласия между этими партиями не столь значительны, как утверждают их пиар-службы, и укладываются в тот же спектр, что и разногласия правящих групп (от социал-консерватизма КПРФ до неолиберализма СПС).

Влиятельная правая оппозиция отражает финансовые интересы спонсоров, которые, как показывает опыт «цветных революций», так же далеки от интересов населения, как и политика правящих групп и их партийных фасадов.

КПРФ переродилась в социал-державную партию, идеология которой отличается от идейного набора «ЕР» прежде всего апологией коммунистического режима, включая его наиболее неприглядные стороны. Такая «системная оппозиция», ориентированная в прошлое, вполне устраивает режим.

В последнее время режим, лидеры которого руководствуются откровенно правыми идеями, пытаются «оседлать» ту часть населения, которая привержена левоцентристским взглядам. Эту риторику (вперемежку с клятвами в верности президенту Путину) используют как лидеры «ЕР», так и новые «социал-демократические» проекты. Но реальных мер хотя бы по восстановлению социального государства они пока не предложили, фактически не оказывая, например, сопротивления курсу на монетаризацию и интеграцию в ВТО.

Можно говорить о возвращении политической системы к ситуации разделения «большой политики» и «гражданской политики», существовавшей в СССР, об отделении альтернативных движений от выборного процесса.

Процессы в среде политической оппозиции свидетельствуют о кризисе многопартийности, эластичность которой обеспечивается идейным многообразием и складыванием коалиций на основе идейной близости. Резкое усиление давления на оппозицию заставляет сближаться разные ее отряды на негативной платформе отрицания режима. В основе этого хрупкого союза лежит не идейное сближение, а прагматические интересы – обмен протестного актива на имеющиеся у либералов финансовые средства и организационные возможности.

С декабря 2003 года большинство населения уже не возлагает надежд на выборы, которые еще в конце XX века были «выхлопным клапаном» социальной активности. С учетом резкого возрастания роли административного ресурса на выборах, можно поставить слово «выборы» в жирные кавычки. Отсюда – масштабы абсентеизма и протестного голосования. Законные средства противодействия наступлению на социальные права перекрыты. Наступает кризис легитимности – важная предпосылка революционных событий.

Из-под спуда

Правящая группа показала свою склонность игнорировать небольшие группы населения. Каждая нынешняя реформа создает в обществе все новые ядра недовольства, которое не рассасывается, а накапливается. Пенсионеры, часть инвалидов, научные работники, офицеры, студенты, автомобилисты, обманутые дольщики, дачники¹ Недовольство одной мерой накладывается на недовольство другой, вызывая с какого-то момента у человека острое неприятие режима, стремление к сопротивлению или как минимум несотрудничеству. Пока таких людей мало, системе нечего бояться. Но с 2005 года она производит их в «промышленных масштабах». Ядра недовольных обретают связи между собой.

Для удержания власти режиму важно блокировать эти ядра недовольства. Осознавая опасность репрессивных мер, которые в случае массового применения могут ударить по самой властной элите, она предпочитает блокировать альтернативные политические силы и стратегии с помощью контролируемых СМИ. В современном виртуализированном обществе «случилось то, что показали по телевидению». Если СМИ о чем-то не сообщают, этого и нет. Но поскольку на нишу СМИ наступает Интернет, то и поле виртуальных событий становится все менее

контролируемым. А в этой сфере влияние бюрократических партий стремится к нулю и растет значение партий в изначальном смысле слова – то есть идеологических групп, вызревающих в недрах гражданского общества.

Отступление оппозиции из сферы принятия решений и выдавливание малых партий из политики вообще приводит к тому, что весь этот актив сдвигается в сферу гражданского общества. Оно также переживает не лучшие времена и все же является резервом альтернативной политики, который не дает ей погибнуть. Но регулирование информационных потоков позволяет режиму практически изолировать и гражданское общество, и альтернативные политические партии и группы от недовольной части населения. Тем более что новые группы населения, вовлекающиеся в протестное движение, вовсе не стремятся к тому, чтобы их возглавили «политики». Польза, которую могут принести политические группы протестным движениям, заключается в полезной информации, а в дальнейшем – в предложении системной стратегии решения социальных проблем, которые вызывают раздражение людей. Разумеется, если такая стратегия будет выработана именно гражданским активом.

Костяк актива гражданского общества в идейном отношении весьма инерционен, что создает широкие возможности для манипулирования им со стороны властных и имущественных элит. Со времен перестройки резко упала массовость гражданских движений, но сохранились их инфраструктура и профессионализировавшийся кадровый костяк. В случае нового подъема социальной активности населения гражданские организации смогут нарастить численность и усилить свое влияние. Но эта сила может стать лишь тараном в борьбе властных группировок между собой, причем без существенных изменений социальной структуры (вариант «оранжевой революции»).

Перспективы развития демократии с опорой на институты гражданского общества связаны прежде всего с мировыми постиндустриальными тенденциями. Дело в том, что по своей организации гражданские движения в наибольшей степени приближены к модели горизонтальных (упорядоченных сетевых или спонтанно переплетенных корневых) отношений. Неформальная среда продолжает генерировать кадры, по своим навыкам и психологии склонные к участию в информационно–сетевых проектах.

Глобализация политической борьбы: мировые партии

XXI век начинается как век глобальный. Соответственно, в современном мире господствуют не США, как принято считать, а глобальная элита. Ее штабы располагаются преимущественно на Западе, но не только. Есть представители этой элиты и в других странах, в том числе и в третьем мире. В этом отношении, например, мы можем говорить о взаимоотношениях России и Америки только условно. Есть отношения правящих групп этих стран, но в каждой из них действуют влиятельные силы, играющие против собственных правителей на глобальном поле.

Сегодня борьба идет не между государствами, не между США и Евросоюзом, а внутри Америки, внутри Европы. В глобальном мире будет продолжаться ослабление национально–государственной субъектности даже в ведущих державах. В то же время может возрасти цивилизационно–культурная субъектность.

В глобальном мире происходит снижение реальной роли публичных политиков в принятии решений, которые теперь вырабатываются специализированными экспертными структурами и осуществляются под давлением глобальных факторов. Происходит виртуализация политики, при которой политический процесс воспринимается обществом как телевизионная картинка. При этом деловые качества политика отходят на задний план в сравнении с имиджевыми чертами характера, вызывающими доверие. Символические функции политики расходятся с реальным процессом принятия решений.

Политическая борьба в начале XXI века носит глобальный характер и определяется двумя основными группировками мировой либеральной элиты – социал–либеральной и неоконсервативной. В странах Европы и Северной Америки (кроме Кубы) правящие группы принадлежат к одной из этих «глобальных партий». У них имеются две разные стратегии, два ответа на проблему исчерпания ресурсов. Социал–либеральная стратегия предполагает стабилизацию роста, смягчение социальных конфликтов, снижение социального расслоения, что дает определенную экономию ресурсов.

Неоконсерваторы стремятся к усилению национально–государственной субъектности, социал–либералы при прочих равных условиях предпочитают «прозрачность» государственных границ и государственных структур для управления извне, из транснациональных центров.

Неоконсерваторы склонны разрушать низовые социальные нерыночные отношения и укреплять бюрократическую машину национального государства. Социал–либералы предпочитают укреплять глобальные вненациональные структуры управления, но и более терпимы к остаткам социального государства.

Если у власти в какой–либо стране находится группировка, входящая в социал–либеральную «глобальную партию» (при этом национальная партия, являющаяся ее филиалом, может называться как угодно и не обязательно иметь социал–демократическую самоидентификацию), то с ней борется филиал другой «глобальной партии». Для этой борьбы «все средства хороши» – от «бархатных революций» до терактов, заказанных через многочисленных посредников в интересах той или иной глобальной фракции.

В современном мире государственная субъектность за пределами «золотого миллиарда» возможна только при наличии стратегии, альтернативной неоконсервативной и социал–либеральной. При этом коммунистическая идеология показала свою низкую эффективность при переходе к решению постиндустриальных задач. А другие альтернативные идеи, не опирающиеся на поддержку государств, не могут получить достаточную поддержку в современных СМИ, контролируемых глобальными партиями. Возникает опасный дефицит стратегий в условиях нарастания глобальных кризисов.

Отношение двух «глобальных партий» к России и постсоветскому пространству в целом носит сугубо утилитарный характер. Россия для них – поле противоборства с конкурентами за источники сырья, инструмент дипломатической борьбы, «громоотвод» международного терроризма (точнее, тех его групп, которые не контролируются в данный момент).

Неоднородность российской политической элиты приводит к ее распаду на группы, ориентирующиеся на одну из «глобальных партий». Это усиливает «борьбу под ковром» в российской государственно–политической и медиа–элите.

Современные информационные и финансовые потоки не признают границ. Это оставляет мало шансов для суверенитета, понимаемого как монополия на власть национальной правящей элиты. Попытка замкнуться, защититься от мирового «сквозняка» обречена на неудачу, реальная альтернатива – либо активная «игра» в мировом пространстве, либо роль периферии. Но в том–то и беда, что право на активную игру сохраняется за узким кругом политиков. Причем представители России в него не входят. Расширить этот круг игроков может только развитие демократии в мире XXI века.

Демократия XXI века

Как можно говорить о демократии в мире, где преобладают глобальные факторы?

Но глобализация – не единственная перспектива человечества (экономическая глобализация может даже ослабнуть). В дальнейшем продолжится смещение власти и управления с национального на транснациональный, виртуальный и местный уровни. Реальный контроль над ресурсами будет переходить к двум уровням власти – наднациональному и локальному. Возрастут полномочия глобальных институтов (возможно, под флагом реформированной ООН) и союзов (Евросоюз и подобные наднациональные объединения в других частях света, включая Северную Евразию).

Виртуализация публичной политики и вытеснение телевидения плюралистическими интернет–коммуникациями создадут возможность для появления нескольких наиболее влиятельных виртуальных культурно–политических пространств с разными лидерами и системами организации. Демократия получит в этих условиях новые ниши для развития. Помимо локальной демократии могут возникнуть мировые субкультуры, организованные демократически. Но все достижения такой демократии могут быть обесценены усилением глобальной власти, которая даже теоретически не может подпадать под общественный контроль.

Переход власти на глобальный уровень диктуется и глобальностью вызовов, стоящих перед человечеством и требующих универсализации стандартов и регулирования.

Объективная тенденция к глобализации власти сильнее локальных авторитарных и

полуавторитарных «суверенов», но может в итоге вылиться в глобальный информационный тоталитаризм. Шанс страны и личности защититься от этой тенденции – это демократия как система, олицетворяющая противоположные тенденции.

Виртуальные технологии и системы, аналогичные Интернету, сделают возможным одновременное существование на одной территории субкультур с разными мировоззрениями и собственными системами управления. Вероятно даже сосуществование на одной территории разных политических систем, которые вовлекают пользователей различных теле–и интернет–каналов. Некоторые мировые субкультуры могут начать играть роли, сопоставимые с ролью отдельных стран. Возникнет проблема разделения полномочий территориальной и виртуально–ориентированной власти.

Современная бюрократическая партийность все заметнее превращается в архаизм. «Информационная революция» создала технические возможности избавления от раздутых штатов партийных чиновников и других политических посредников между обществом и людьми, уполномоченными в принятии решений. Но средства электронного голосования сами могут быть средством манипуляции. Поэтому демократия должна иметь более надежную опору, чем подверженные манипуляции прямые выборы.

Такой опорой, дополняющей оптимизированную систему прямого представительства, может стать федерализм (делегирование), опирающийся на низовую самоорганизацию общества, самоуправление.

Собственно, именно самоуправление является демократией в чистом виде. Оно обеспечивает участие неpolitиков в политике, простых людей – в принятии решений, которые их касаются. Человек уже не является управляемым существом, он вместе со своими соседями, коллегами и товарищами управляет собственной жизнью.

Но самоуправление локально, оно возможно в небольших группах – в подразделениях предприятия, в небольших территориальных общинах, общественных организациях. Самоуправляющиеся группы нуждаются в согласовании своих интересов. Самоуправление, при котором основные вопросы решаются при непосредственном участии каждого, не может действовать, если вопрос затрагивает интересы сотен и тысяч людей. Теоретики прямой демократии, прежде всего сторонники антиавторитарного социализма (Пьер–Жозеф Прудон, Александр Герцен и другие), выступали за формирование системы власти снизу вверх путем объединения личностей в общины (союзы, коллективы, коммуны), которые, в свою очередь, могут объединяться в более широкие федерации. Это позволяет комплектовать органы власти принципиально иначе, чем это происходит как при диктатурах, так и при многопартийности. Если в современных государствах бюрократия самостоятельно формирует свой состав, лишь иногда согласовывая свои социальные интересы с интересами народа, то при федерализме (делегировании) единая бюрократическая корпорация должна исчезнуть и замениться системой согласования социальных интересов, существующих на уровне гражданского общества. Органы власти при этой системе состоят из делегатов нижестоящих организаций. Совет таких делегатов представляет реальные интересы нижестоящих групп. При этом права вышестоящих органов в соответствии с принципами демократии должны определяться договоренностью нижестоящих. Такие советы могут объединяться в федерации и посылать своих делегатов уже в федеративные советы вышестоящего уровня. И так далее. Делегирование позволяет «растаскивать» консолидированный интерес властной элиты, ставить его в зависимость от нижестоящих интересов и таким образом компенсировать объективную тенденцию к отрыву «верхов» от низов, которая получит в XXI веке новые технические возможности.

Направление развития политических систем альтернативно. Самоуправляющиеся сообщества могут встроиться в более широкую систему общественных отношений, основанных как на корневых горизонтальных, так и на манипулятивно–управленческих вертикальных связях. Полусом новым обществом могут стать и гражданское общество, и глобальная информационная олигархия.

В современном мире наблюдается серьезный перекося в скоростях вызревания предпосылок постиндустриальной системы «сверху» и «снизу». Если основы системы манипулятивного управления в современном мире почти сложились, то формирование «противовеса» в виде самоуправления, корневой, горизонтальной структуры общества, далеко от завершения. В результате может возникнуть тоталитарная модель новой формации, где

управление преобладает над саморегулированием (нечто подобное произошло в ряде стран в XX веке, когда неизбежный переход к индустриальному социальному государству привел к появлению тоталитарных режимов). Отсюда важность развития самоуправления, укрепления корневых информационно–производственных и гражданских структур.

Картина будущего будет зависеть от того, какая из тенденций возобладает – информационный манипулятивный тоталитаризм или корневые самоуправляющиеся и делегированные структуры. Как и в XX веке, в котором модель социально–государственного индустриального общества осуществилась в различных формах (советской, фашистской, рузвельтовской, шведской), в XXI будут существовать разные варианты новой общественной системы. Какой вариант выберет наша страна – зависит от способности общества развивать модель демократии, основанной на реальном самоуправлении.